

Логика вопросов без ответов

1. Предварительные замечания

В настоящей заметке предпринимается попытка осуществить логико-семантический анализ так называемого «национального вопроса» и тем самым внести посильный вклад в прояснение довольно запутанной «семантической ситуации» вокруг современного русского (и не только) национализма. Предположив, что «проблемы национального, нации и национализма» в значительной степени связаны с определенной постановкой и решением национального вопроса, мы вначале, в максимально обобщенной форме, предложим некоторую точную формулировку самого этого вопроса, а затем исследуем его (и ряд сопутствующих ему вопросов) с использованием методов современной эротетической логики¹.

Следует отметить, что термин «вопрос» является достаточно многозначным и довольно часто употребляется в переносном (метафорическом) смысле, как например, в выражениях: «Первым *вопросом* повестки дня стоит отчет о проделанной работе», или «Нам необходимо срочно решить *вопрос* с налоговой полицией», или «Мы предлагаем определенное решение *вопроса* о русском национализме», когда под «вопросом» понимается «пункт», «положение», «затруднение», «проблема», «задача, требующая решения» и т. п. Отличительной чертой подлинного вопроса является то обстоятельство, что он всегда может быть сформулирован в виде некоторого *вопросительного предложения*. Во многих случаях вопрос в переносном смысле можно выразить (переформулировать) в виде подлинного вопроса, например: «Что нужно сделать, чтобы у налоговой полиции не было к нам претензий?». Если же это невозможно, то это означает, что вопрос как таковой вообще отсутствует. В дальнейшем мы будем употреблять термин «вопрос» только в прямом значении, оставляя любого рода метафорическое его употребление за пределами нашего внимания.

Далее, важно помнить, что «решить вопрос» — это значить дать на него ответ. Любой возможный ответ на тот или иной вопрос должен удовлетво-

¹ Термин «эротетическая логика» был предложен Артуром и Мэри Прайорами в статье Prior A., Prior M. *Erotetic logic* // *Philosophical Review*. V. 64. 1955. P. 43–59, для обозначения особого направления (или раздела) неклассической логики, занимающегося анализом вопросов.

рять стандартным «постулатам Хэмблина»²: (1) ответ на вопрос должен быть сформулирован в виде высказывания или предложения; (2) возможные ответы на вопрос образуют исчерпывающее множество взаимно исключающих альтернатив; (3) мы знаем значение вопроса если и только если знаем, что может считаться ответом на этот вопрос. Иными словами, как подчеркивают Белнап и Стил, сущность вопроса можно отождествить с множеством возможных ответов на него³.

Обычно выделяют следующие типы вопросов:

1. *Ли-вопросы (да-нет-вопросы)*, возможным ответом на которые обычно служит слово «да» или «нет». Примеры такого рода вопросов: «Является ли вода жидкостью?», «Существует ли Бог?».

2. *Какой (кто, сколько)-вопросы*, отвечая на которые необходимо указать какой-то конкретный предмет или ряд предметов (одушевленных или неодушевленных), или же запрашиваемую количественную характеристику. Например: «Какие реки впадают в Черное море?», «Кто победил на президентских выборах в Украине?», «Сколько притоков у Волги?».

3. *Что такое (почему, для чего, как)-вопросы*, ответы на которых представляют собой объяснения тех или иных явлений: «Что такое простое число?», «Почему началась Первая мировая война?» и т. п.

С точки зрения возможных ответов, первые два типа вопросов значительно проще вопросов третьего типа, поскольку они довольно четко очерчивают множество альтернатив, могущих служить ответами на них. Так, *ли-вопросы*, как правило, предполагают в качестве возможных ответов всего два альтернативных высказывания («Да, Бог существует», «Нет, Бог не существует»), а *какой (кто, сколько)-вопросы* задают свои альтернативы путем отсылки к некоторой (конечной или бесконечной, но, как правило, достаточно определенной) матрице объектов, удовлетворяющих некоторому категорному условию⁴. В отличие от этого, ответом на *что такое (почему)-вопрос* в лучшем случае выступает какое-нибудь реальное определение; довольно часто, однако, для того, чтобы получить такой ответ, приходится строить целую теорию. Поэтому ответ на вопрос третьего типа значительно упрощается, если его удастся свести к вопросу одного из двух других типов. Однако такое сведение далеко не всегда представляется возможным.

2. Национальный вопрос

Мы исходим из того, что национальный вопрос является вопросом в подлинном смысле этого слова, а значит, он, как и любой другой настоящий вопрос, может быть выражен в виде вопросительного предложения (или нескольких вопросительных предложений). Вообще, когда речь идет о «национальном

² Hamblin C. L. *Questions*. Australasian Journal of Philosophy. V. 36. 1958. P. 159–158.

³ Белнап Н., Стил Т. *Логика вопросов и ответов*. М.: Прогресс, 1981. С. 44.

⁴ Так вопрос «*Какое натуральное число является наименьшим нечетным простым?*» задает бесконечное множество альтернатив путем отсылки к следующей матрице: x – *наименьшее нечетное простое число* и к следующему категорному условию: x – *натуральное число*. Подстановка в матрицу [конкретного] числа на место переменной x порождает альтернативу» (Белнап Н., Стил Т. *Op. cit.* С. 15).

вопросе», как правило, подразумевается целый ряд однородных вопросов, так или иначе затрагивающих «национальную проблематику». Типичный пример такого рода вопроса: «Почему миллионы русских людей оказались подвержены эксплуатации со стороны компрадорской и космополитической бизнес-элиты с израильским гражданством⁵, присвоившей себе значительную часть национального богатства?». Или же: «Почему миллионы русских людей вынуждены работать на выходцев из ближнего (Закавказье) и внутреннего зарубежья (Северный Кавказ), во многих регионах поставивших под свой контроль целые отрасли экономики (торговля, питание и сфера обслуживания, развлечения, транспорт и др.)?».

Олег Кильдюшов упрекает «лидеров российской интеллектуальной сцены» в том, что они отказываются обсуждать эти (и другие такого же типа) «ключевые вопросы» и не помогают «ограбленным и униженным жителям сельской местности, малых и средних городов, лицам с низким уровнем образования и отсутствием социально приемлемого дохода», иными словами, «нон-адаптантам» и «адаптантам низкого уровня», искать на них ответы. В результате, те вынуждены давать на эти вопросы свои, «народные» ответы, которые для «высокомерных либеральных интеллектуалов» зачастую оказываются «неприятными».

Представляется, однако, что задача поиска ответа на уже «готовый» вопрос во многом производна от гораздо более важной проблемы — постановки вопроса. Эта последняя проблема ни в коем случае не относится к разряду тривиальных. Очевидно, что *прежде* чем начать обсуждение какого-либо вопроса и искать на него ответ и, собственно говоря, для того, чтобы быть в состоянии это сделать, вопрос следует поставить. Откуда же берутся вопросы, подобные приведенным выше, иными словами, кто их ставит (или же должен ставить)? Мы отвергаем (как неправдоподобную) расхожую нарочито-наивную версию, что такие вопросы якобы «ставит сама жизнь». «Жизнь» сама по себе не в состоянии ставить никаких вопросов. Конечно, вопросы обычно берутся «не с потолка», а имеют под собой определенное «жизненное основание». Но ставят их все-таки люди.

Способность «нон-адаптантов с низким уровнем образования» формулировать вопросы приведенного выше типа вызывает обоснованное сомнение, хотя бы потому, что «жители сельской местности» вряд ли в состоянии оперировать такими терминами как «компрадорский», «транспарентный» и т. п., или же додуматься до такого утонченного понятия как «внутреннее зарубежье». Учитывая же, что формулировка вопроса во многом предопределяет (детерминирует) возможный ответ, отсюда вытекает совершенно особая ответственность представителей интеллектуальной (и — что гораздо важнее — *властной*) элиты не только и даже не столько за обсуждение «ключевых вопросов русской жизни», сколько за саму их постановку и формулировку.

Действительно, первоначальный вопрос, который задает себе «ограбленный и униженный нон-адаптант» звучит, по-видимому, достаточно безыскусно и сводится, в основном, к несложной формуле: «Почему я так

⁵ Слово сочетание «с израильским гражданством» является здесь, конечно же, интеллигентским эвфемизмом для выражения «еврейской национальности».

плохо живу?»⁶. Далее, наблюдая вокруг себя множество таких же униженных и оскорбленных, наш «житель сельской местности» вполне способен подняться до некоторого обобщения, поставив на место изолированного «я» коллективное «мы»: «Почему *мы* так плохо живем?». Сам по себе этот вопрос еще не содержит ничего специфически национального. Для того, чтобы придать наивному вопросу о «плохой жизни» национальный оттенок, в него нужно привнести всего лишь одно «ключевое слово», выражающее национальную (этническую) принадлежность вопрошающего: «Почему мы, *русские*, так плохо живем?»⁷. Таким образом, мы приходим к некоторой общей схеме по которой строится любой *национальный вопрос*⁸.

Нетрудно видеть, что приведенные выше вопросы «высокого уровня» прекрасно вписываются в эту схему, как по форме, так и по существу. Что касается логической формы, то мы имеем здесь типичный *почему-вопрос*, прямой ответ на который обычно предполагает установление причины того или иного явления. Как уже отмечалось, анализ такого рода вопросов представляет собой довольно сложную проблему, равно как и сам поиск ответа на них. Поэтому в тех случаях, когда это оказывается возможным, такие вопросы следует упрощать, что обычно достигается посредством своего рода категориальной редукции, то есть преобразования их в вопросы более простого типа. Люди предпочитают простые ответы на простые вопросы.

Один из таких возможных случаев как раз и предоставляет национальный вопрос, поскольку он довольно естественным образом и практически без каких-либо смысловых потерь трансформируется в вариант хорошо известного классического вопроса, а именно: «*Кто виноват* в том, что мы, русские (украинцы, татары, немцы и т. д.), так плохо живем?». По-видимому, в данном случае такого рода переход от «почему» к «кто виноват» не выглядит слишком уж большой натяжкой, более того, можно утверждать, что принятая общая схема исходного вопроса и характер специфицирующего признака неявно предполагают такой переход.

Итак, национальный вопрос удастся свести к довольно простой формулировке, имеющей вид прямого *кто-вопроса*, обладающего тем преимущест-

⁶ Выражение «плохо живу» охватывает здесь любой из возможных смыслов, выражающих острую неудовлетворенность наличными условиями существования, например: «у меня маленькая зарплата», «меня эксплуатируют», «меня не ценят по достоинству», «меня унижают», «со мной поступают несправедливо», «мои права нарушают» и т. п.

⁷ Ясно, что вместо «русские» здесь вполне может стоять «украинцы», «татары», «поляки», «немцы», «евреи», «арабы» и т. д.

⁸ Интересно заметить, что выбор в качестве специфицирующего признака именно национальной характеристики вовсе не является столь уж необходимым и естественным, как это может показаться на первый взгляд. В тех или иных конкретных социально-исторических и политических условиях в качестве такого основного отличительного признака, по которому осуществляется самоотграничение и самоидентификация некоторой группы может выделяться (и выделяется) классовая, профессиональная, половая, религиозная и т. п. характеристики: «Почему мы, крестьяне, так плохо живем?», «Почему мы, пролетарии, так плохо живем?», «Почему мы, женщины, так плохо живем», «Почему мы, мусульмане, так плохо живем?» и т. д. В результате получаем «крестьянский вопрос», «классовый вопрос», «женский вопрос», «религиозный вопрос» и другие тому подобные «проклятые вопросы». Исследование причин, по которым тот или иной признак приобретает в тех или иных условиях доминирующее значение, выходит за рамки настоящей статьи.

вом, что он с высокой степенью точности задает множество объектов, указание на которые предположительно продуцирует возможные (и вполне ожидаемые) ответы на него. А именно, как и любой *какой (кто)-вопрос*, данный вопрос определяет множество возможных ответов, путем отсылки к (предположительно конечной) матрице «*x* – виновник плохой жизни русских (украинцев, татар, немцев и т. д.)» и имплицитному категорному условию «*x* является *Y*», где *Y* обозначает некоторую национальность, как правило, отличную от указанной в вопросе. Характер категорного условия обусловлен здесь характером отличительного признака, которые, очевидно, должны принадлежать к одной и той же категории: *национальный вопрос требует национального ответа*.

Указанное преимущество является, конечно же, чисто прагматическим, однако оно позволяет пролить дополнительный свет и на некоторые семантические аспекты рассматриваемой проблемы.

3. Пресуппозиции и семантика «правильных» вопросов

Семантика вопросительных конструкций (интеррогативов) в некоторых существенных чертах отличается от стандартной семантики ассерторической логики, где в качестве основного понятия выступает понятие истины. В отличие от утвердительных предложений (высказываний), которым при нормальных условиях всегда может быть приписано некоторое истинностное значение, вопросы обычно непосредственно не характеризуются как «истинные» или «ложные»⁹. Вопросы принято квалифицировать как «правильные» (корректные, обоснованные) или «неправильные» (некорректные, необоснованные), в зависимости от того, имеют ли они вообще истинные ответы или нет¹⁰.

Центральным семантическим понятием оказывается здесь понятие *пресуппозиции вопроса*. Высказывание *A* является пресуппозицией (или предпосылкой) некоторого вопроса, если и только если истинность высказывания *A* является *логически необходимым условием* существования некоторого истинного ответа на данный вопрос¹¹. Например, вопрос, заданный Менедему Эретрийскому Алексином из Элиды «Перестал ли ты бить своего отца?»¹², содержит пресуппозицию, что Менедем бил своего отца; вопрос «Сколько притоков у Волги?» предполагает, что у Волги есть притоки; а вопрос «Какого цвета число π ?» имеет в качестве пресуппозиции утверждение, что числа могут иметь цвет.

Очевидно, что любой вопрос имеет истинный ответ только в том случае, когда *все* его пресуппозиции являются истинными, если же хотя бы одна из пресуппозиций вопроса оказывается ложной, то этот вопрос просто

⁹ Однако см.: Åquist L. *A new approach to the logical theory of interrogatives*. Uppsala: Almqvist&Wiksell, 1965., а также Белнап Н., Стил Т. *Op. cit.* С. 120.

¹⁰ Ср.: Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. *Логика как часть теории познания и научной методологии*. Кн. II. М.: Наука, 1994. С. 284; Петров Ю.А. *Азбука логического мышления*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 48.

¹¹ См. Белнап Н., Стил Т. *Op. cit.* С. 117.

¹² Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Кн. II. С. 135.

не может иметь истинного ответа. Таким образом, правильный вопрос — это такой вопрос, все пресуппозиции которого являются истинными, в противном случае вопрос считается неправильным.

Иными словами, следует помнить, что задавая тот или иной вопрос, мы тем самым (неявно) делаем некоторое (возможно, довольно ответственное) утверждение, а именно, утверждение составляющее пресуппозицию данного вопроса. Как замечают Белнап и Стил, «задать вопрос с ложной пресуппозицией — это не то же самое, что сказать нечто «бессмысленное»; скорее это очень напоминает высказывание ложного утверждения. Задав такой вопрос осознанно и злонамеренно, можно оказаться в положении лжеца, но можно задать его неосознанно и подвергнуться благожелательному исправлению, какому подвергается человек, сделавший ложное утверждение»¹³.

Значит, при анализе любого вопроса, для соблюдения логическо-семантической корректности, важно не принимать этот вопрос в качестве некой «изначальной данности», но прежде всего необходимо самым тщательным образом выявлять все его предпосылки (пресуппозиции) и, самое главное, *обосновывать их истинность*. Только после этого имеет смысл приступить к поиску ответа на этот вопрос.

Вернемся теперь к нашему национальному вопросу и рассмотрим его на предмет соответствия указанным *логическим требованиям*. Вполне очевидно, что вопрос «Кто виноват в том, что мы, русские (украинцы, татары, немцы и т. д.), так плохо живем?» задает довольно жесткую пресуппозицию о *существовании* виновника плохой жизни русских (украинцев, татар, немцев и т. д.), где в качестве такого виновника предположительно выступают представители какой-нибудь иной национальности или же какая-нибудь иная национальность в целом¹⁴. Данная пресуппозиция выстраивается по жесткой схеме разграничения и противопоставления «своих» и «чужих», которую следует признать традиционной для «дискурсивной практики» национализма. А это означает, что как только мы принимаем саму формулировку этого вопроса, начинаем обсуждать его по существу и искать на него ответ, то тем самым мы заранее постулируем существование виновника «всех наших бед» и даже уже приблизительно «догадываемся», кто может выступать в роли такого виновника. При этом незаметно уходит в тень то обстоятельство, что пресуппозиция данного вопроса представляет собой довольно спорное утверждение и вряд ли правомерно принимать ее истинность как нечто само собой разумеющееся, без какого-либо дополнительного обоснования.

Для примера, рассмотрим под этим углом зрения еще ряд аналогичных вопросов (в том числе, уже приводившихся выше).

¹³ Белнап Н., Стил Т. *Op. cit.* С. 119–120. Интересно отметить, что одним из излюбленных и, надо признать, довольно действенных приемов манипуляции общественным сознанием со стороны пресловутых «одиозных политтехнологов», как раз и является постановка и активное обсуждение вопросов с ложными пресуппозициями.

¹⁴ По ходу изложения заметим, что ответ «Никто не виноват» («Таких виновников не существует» — Белнап и Стил характеризуют такого рода ответ как «соблазнительный» Белнап Н., Стил Т. *Op. cit.* С. 26) не образует *прямого* ответа на данный вопрос. Такое *корректирующее утверждение*, по существу отрицающее пресуппозицию исходного вопроса, отвечает совсем на другой вопрос, а именно: «Виноват ли кто-нибудь в том, что... и т. д.?».

1. *Вопрос:* «Почему российская демократическая общественность искаженно воспринимает прибалтийские сегрегационные режимы откровенно апартеидного типа, которые нарушают права сотен тысяч наших соотечественников?» *Пресуппозиции:* В прибалтийских странах утвердились сегрегационные режимы откровенно апартеидного типа. Эти режимы нарушают права сотен тысяч наших соотечественников. Российская демократическая общественность игнорирует эти нарушения.
2. *Вопрос:* «Почему миллионы русских людей оказались подвержены эксплуатации со стороны компрадорской и космополитической бизнес-элиты с израильским гражданством, присвоившей себе значительную часть национального богатства?» *Пресуппозиции:* Бизнес-элита с израильским гражданством присвоила себе значительную часть национального богатства. Эта компрадорская и космополитическая бизнес-элита эксплуатирует миллионы русских людей.
3. *Вопрос:* «Почему миллионы русских людей вынуждены работать на выходцев из ближнего (Закавказье) и внутреннего зарубежья (Северный Кавказ), во многих регионах поставивших под свой контроль целые отрасли экономики (торговля, питание и сфера обслуживания, развлечения, транспорт и др.)?» *Пресуппозиции:* Выходцы из Закавказья и Северного Кавказа во многих регионах поставили под свой контроль целые отрасли экономики. На них вынуждены работать миллионы русских людей.
4. *Вопрос:* «Как нам относиться к безуспешным попыткам утверждения украинской государственности?» *Пресуппозиции:* Украинской государственности не существует. Попытки утверждения украинской государственности не увенчались успехом.

Последний вопрос достаточно показателен, поскольку он наглядно демонстрирует, что «сущность» такого рода вопросов заключается именно в их пресуппозициях. В самом деле, если мы переформулируем данный вопрос в нейтральном ключе, с тем, чтобы снять содержащиеся в нем сомнительные пресуппозиции, например, следующим образом: «Как нам относиться к украинской государственности?», то вопрос полностью изменит свой смысл, так как изменится множество возможных на него ответов. Одно дело — отношение ко всякого рода «попыткам», другое дело — отношение к наличному факту (в данном случае — государственности). Если первоначальный вариант вопроса недвусмысленно подсказывает «снисходительно-негативистский» ответ (как вообще можно относиться к каким-то сомнительным и к тому же безуспешным попыткам?), то указанная переформулировка переводит вопрос в область межгосударственных отношений (вряд ли уместно вести речь об отношении к чужой государственности со стороны, скажем, отдельных людей, а не государственных образований) и предоставляет в качестве возможных ответов две базисные альтернативы: «признавать», «не признавать». Однако на этот вопрос современная Россия дала ответ еще в декабре 1991 года, когда *де юре* и *де факто* признала независимой украинское государство.

В завершение еще раз подчеркнем, что если мы не хотим оказаться в положении человека, вынужденного оправдываться за то, чего он не совершал (например, за «избиения собственного отца»), то не следует слишком

уж поспешно принимать вопросы с неуточненными и необоснованными предпосылками. Важно помнить, что такие вопросы очень часто просто не имеют истинных ответов. А значит, осознанный отказ от их обсуждения (*Denkverbot*) далеко не всегда означает «саботаж разговора по существу», а представляет собой адекватную реакцию на попытки навязать общественному мнению ложные пресуппозиции.

На наш взгляд, прояснение ситуации вокруг современного национализма может быть достигнуто в первую очередь именно в рамках квалифицированной дискуссии относительно факторов, обуславливающих доминирование («укоренение») в общественном сознании тех или иных пресуппозиций, на основе которых зачастую и формулируются «ключевые вопросы национальной жизни».